

КРЫМСКИЕ ДРЕВНОСТИ

УДК 572

© А.В. Иванов

ОБ ИСТОРИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ТАТАР КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В статье представлен исторический очерк и обзор источников, связанных с проблемой антропологического изучения близкого к современности населения Крымского полуострова – крымских татар. Имеющиеся данные позволяют рассматривать крымских татар как население неоднородное в антропологическом отношении, исследователи выделяют морфологические комплексы свойственные степным, горным и южнобережным группам крымских татар. По тексту статьи дается обзор довольно немногочисленных публикаций авторов конца XIX – 30 гг. XX в., работавших преимущественно с живыми представителями различных групп крымско-татарского этноса, а также публикаций более близкого к нам времени вводящих в научный оборот данные по имеющимся краниологическим сериям. Сохраняющиеся вопросы в отношении выделения антропологических компонентов в составе крымско-татарского народа и, тем более, истории их формирования, требуют систематического введения в научный оборот новых антропологических материалов и их дальнейшего исследования с использования широкого спектра современных комплексных методов.

Ключевые слова: Крымский полуостров, крымские татары, антропология, краниология, этническая история, история науки.

Беспрецедентные по масштабу археологические исследования, предпринятые на территории Крыма в связи с выполнением федеральных целевых программ, дополнили антропологические коллекции значительными объемами материала, представляющего население региона от эпохи раннего металла до Нового времени.

Примечательным в этих работах было исследование ряда некрополей мусульманского населения Крыма Нового времени, редко привлекавших внимание археологов. Представляется, что введение в научный оборот полученного антропологического материала поспособствует разрешению многих актуальных вопросов связанных с этно-историческими процессами в среде тюркского населения полуострова и формированием современных этносов, в первую очередь крымских татар.

В сравнении с предшествовавшими периодами истории Таврики, Новое время

Иванов Алексей Валерьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН. Эл. почта: ivav@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00429.

недостаточно освещено с точки зрения изучения антропологического состава населения полуострова Крым. Причины этого кроются в относительной близости рассматриваемого периода к современности и общеизвестных проблемах этнополитического свойства, последствия которых до сих пор не преодолены в полной мере.

В этой связи представляется целесообразным представить ретроспективный обзор работ, посвященных антропологическому изучению крымско-татарского этноса, одни из них представляют в основном историографический интерес, отражая соответствующие им реалии, другие содержат данные вполне актуальные и для современного этапа исследований.

Обобщенные наблюдения характерного облика крымских татар присутствуют уже в трудах европейских авторов XVII в. Э.Д. д'Асколи и Г.Л. Боплана. Академик П.С. Паллас уделил внимание описанию антропологических типов, распространенных в среде крымских татар, населявших разные районы полуострова:

«Татар, живущих в Крыму, можно разделить на три отдела. В первом – ногайцы, а также составлявших остаток кубанских татар, взятых в плен в турецкой крепости Анапе и приведенных в числе 4500 в Крым <...>. Теперь они населяют свои собственные деревни <...>. Все эти ногайцы, как доказывают черты их лиц, наименее смешанные потомки монгольской расы, составлявшей большую часть войска Чингиз-хана, овладевшего, как известно, Россией и Крымом.

Во втором отделе – татары, населяющие равнину, или степи Крыма до гор и северную часть последних, и которые в Перекопском уезде, где они наименее смешаны, сохранили много сходства с монголами в чертах лица, имеют редкую бороду <...>. Приближаясь к горам, у этих татар, так же как у их дворянства, – кровь более смешанная с турецкой, но все еще они имеют несколько сходства в чертах лица с монголо-калмыками, хотя почти все крымское дворянство уже их не имеет.

Наконец, в третьем отделе – татары, населяющие южные долины гор, очень смешанная раса, по-видимому, происходящая из разных остатков народов, загнанных в Крым во время монгольского владычества. Этот отдел, как мы уже говорили выше, обладает совершенно иными чертами лица, имеет более густую бороду, волосы светлее, чем у прочих татар, и не почитается последними, давшими ему презрительное имя – тат» [1: 148].

Чрезвычайно любопытным представляется также свидетельство П.С. Палласа, наблюдавшего современную ему практику искусственной деформации головы у южнобережных татар Кикенеиза, Лимены, Симеиза и расположенной несколько восточнее Алупки: «Горские татары этих трех деревень имеют совершенно особый тип лица, отличающий их от всех других горских татар. Очень продолговатые лица, не пропорционально длинный и загнутый нос и сжатые с боков высокие головы, – все это делает большую часть из них настоящими карикатурами, остальные же менее карикатурные, имеют вид, по крайней мере, сатиров». «Татары, обитающие здесь (в Алупке), имеют сходство с симеизскими и лименскими: то же удивительное строение головы и лица, светлые или каштановые волосы, что редко встречается у крымских татар, так же как у греков или турок» [1: 74, 77]

В 1856–1857 гг. в Вестнике Имперского Российского Географического Общества было опубликовано этнографическое исследование Г. Радде, посвященное современному населению полуострова – крымским татарам, в последствие дважды (1857, 1879) вышедшее отдельным изданием. Автор также обратил внимание на

неоднородность их антропологического типа и выделил три группы крымско-татарского населения – степную, горную и южнобережную. Он полагал, что собственно тюркское происхождение имели преимущественно степные группы, в то время как татары горной и прибрежной частей полуострова, в массе своей, являлись потомками разнородных племен, проживавших здесь задолго до нашествия татар [2: 2–5].

Первое антропологическое исследование крымских татар с использованием антропометрических методик было проведено К.С. Мережковским в ходе предпринятой им в 1880 г. экспедиции в Крым. Основной исследовательской задачей К.С. Мережковского было продолжение своих изысканий по археологии каменного века полуострова, однако контакты с московскими антропологами, в частности К.Н. Иковым убедили его в актуальности проведения краниометрических измерений современного населения Крыма и формировании коллекции «татарских черепов составляющих большую редкость во всех антропологических музеях» [3: 104].

Свои изыскания автор начал с северных – степных районов полуострова, где им были относительно успешно проведены измерения местных жителей – «Татарский тип в степной части Крыма чище, чем в Симферополе, и далее на Юг. Лица с приплюснутым и широким у корня носом, с узкими в виде щели глазами, с широкими скулами встречаются здесь значительно чаще. Зато и фанатизм жителей, и их суеверия развиты в высшей степени: при разрытии кладбищ, хотя и брошенных, мне пришлось близко познакомиться с этим фанатизмом» [3: 107].

Тем не менее, краниологическая коллекция была собрана в ходе раскопок заброшенных татарских кладбищ в Евпаторийском уезде при селениях Джума – Орта и Эльгеры Аблам (совр. с. Симоненко, Красногвардейского р-на.) – 3 черепа, и селении Айбар Перекопского уезда¹ – 18 черепов.

Результаты выполнения антропологической программы в предгорных районах Крыма оказались не столь успешны. При попытке раскопок обширного мусульманского кладбища вблизи села Каясты, добыв всего три черепа, исследователь столкнулся с саботажем рабочих, подстрекаемых местным муллоу². Однако в селах Каясты и Ак-Кая удалось провести измерения живых субъектов.

В ходе дальнейших поездок по полуострову, К.С. Мережковский довел количество измеренных индивидов до 200 человек³ происходящих, главным образом, из степных районов, в меньшей мере наблюдениями были охвачены предгорные районы – окрестности Симферополя и деревни Сарабуз (совр. Гвардейское Симф. р-на.), села вокруг Зуи и округа Карасубазара (совр. Белогорск). На Южном берегу Крыма измерения проводились среди жителей Ялты и Алушты – по оценке автора около 20 субъектов.

К концу экспедиции краниологическая коллекция составляла около 80 единиц, к сожалению, в краткой публикации ее итогов автор не упоминает пунктов сбора материалов, кроме перечисленных выше.

Несколько слов об используемых К.С. Мережковским измерительных методиках. С основами методики измерений исследователя познакомил К.Н. Иков, в начале 80 годов предложивший свой вариант измерительной и описательной программ, отличный от методики П. Брока, особенно в части пигментации глаз и волос, несколько позже утвержденный Императорским обществом любителей естествознания и этнографии и изданный в качестве унифицированной инструкции для отечественных исследований [4: 292–314].

В публикации К.С. Мережковский представил средние данные по 14 признакам и вычисленным на их основе указателям характеризующих живых индивидов. Более детальные выводы, как и публикацию материалов краниологической коллекции, исследователь анонсировал как дело ближайшего будущего: «как только позволит время». Не станем упрекать К.С. Мережковского в том, что времени на обработку и публикацию собранных данных он так и не нашел, материал частично сохранился и спустя ровно сто лет все же был обработан и опубликован В.П. Алексеевым [5: 170–181].

По мнению К.С. Мережковского, татарское население полуострова представлено тремя основными антропологическими типами «отличающимися довольно резкими особенностями»: южнобережные татары, отличающиеся большей или меньшей примесью греческой крови⁴, степные или, как их определяет автор, «ханские» татары (их облик был охарактеризован выше), как полагал исследователь, в наибольшей мере воплощающие антропологический тип свойственный крымско-татарской народности, и ногайцами, которых по свидетельству автора в Крыму осталось совсем немного и встретить их можно только в отдельных селах Перекопского уезда⁵.

Кроме собственно татар, К.С. Мережковский обратил свое внимание на еще одну своеобразную этническую группу крымских мусульман – цыган, определявших себя в качестве «туркмен» и также отметил своеобразие их антропологического типа в сравнении с собственно татарами. В частности, особенности морфологии лицевого отдела, и определенно более низкие значения головного указателя с явной тенденцией к мезокефалии [3: 116]. Эти наблюдения особенно интересны в контексте исторических перипетий, произошедших с и без того немногочисленной этнической группой на протяжении последнего столетия, приведших к практически полной ассимиляции ее остатков.

Упомянул автор и о продолжавшей существование практике искусственной деформации головы: «употреблению у татар повязок и шапочек, сдавливающих у детей голову» и, по мнению автора, «придающих ей большую округлость» [3: 120].

Таким образом, фактически студенческая работа, выполненная неопытным антропологом как «попутное исследование», по постановке задач, охвату территории, объему проведенных полевых наблюдений, масштабу сбора коллекционного материала и представлении его в предварительной публикации была выполнена на уровне вполне соответствующем аналогичным работам признанных европейских авторов последней четверти XIX в. Остается только сожалеть, что антропологическая тематика осталась на периферии научных интересов К.С. Мережковского и не получила дальнейшего развития в его позднейших публикациях.

Начало 1890 г. было отмечено публикацией в «Дневнике антропологического отдела Императорского общества любителей естествознания антропологии и этнографии», цикла работ, посвященных антропологии современного татарского населения Южного берега полуострова, за авторством П.С. Харузина, К.Н. Икова и Н.И. Лыжина.

К.Н. Иков, проживавший в этот период в Ялте, в 1889 г. представил в Антропологический отдел общества рукописный отчет, на основе которого позже опубликовал небольшую статью «К антропологии татар Южного берега Крыма» [6: 4–6], основанную на собственных наблюдениях 1888 г. Им было измерено 126 (взрослых 82) индивидов, проживавших в Алушке и ближайшей округе Ялты – деревнях Дереккой и Ай-Василь. В публикации автор приводит усредненные данные по головному указателю, отмечая подавляющее преобладание брахикифального компонента, незначительная примесь долихокефальных индивидов рассматривается им как случайная, отмечает распро-

странение приобретенной в младенческом возрасте плагиоцефалии – асимметричного уплощения затылочного отдела и приводятся некоторые данные по пигментации волос и глаз и их комбинациях свойственных рассматриваемому населению.

В этно-историческом контексте К.Н. Иков полагал население Южного берега Крыма целостной общностью только в этнографическом отношении, по своему происхождению являвшую «смесь самых разновременных и резко-различных племенных наслоений и ингредиентов»⁶. Соответственно в антропологическом плане автор видит в нем некую «смесь типов, а никак ни один или два специально выработавшихся «южнобережных» типа» и «довольно однообразную серую массу, без типичных ярких черт и особенностей», включая и средние значения роста, близкие к общемировым «как и следовало ожидать при смешении типов» [6: 3–6].

Статья Н.И. Лыжина «Антропологические наблюдения за Таврическими татарами» представляет авторские материалы, собранные в 1890г., работа не содержит сколько-нибудь четко сформулированных выводов и имеет чисто публикационный характер [7: 6–22].

Наблюдениями исследователя было охвачено население различных ландшафтных зон полуострова. Население степного Крыма представлено выборками из деревни Сиджеут Перекопского уезда (территория совр. Первомайский р-на., в настоящее время не существует) – 13 человек, деревни Шакул (Шакил, Шакул) Феодосийского уезда⁷ (совр. с. Марково Советского р-на.) – 12 чел. Кроме того 6 человек относимых автором к ногаям было обмерено в деревне Юзкуя (совр. с. Азовское Генического р-на.) в материковом Мелитопольском уезде Таврической губернии. В горных районах Феодосийского уезда (в настоящее время территория гор. округа Судак) Н.И. Лыжин провел измерения 20 жителей сел Биюк-Таракташ (совр. Дачное), Токлук (совр. Богатовка) и Коз (Козы, Къоз) (совр. Солнечная долина) и завершил экспедицию измерением 7 жителей г. Бахчисаря⁸.

В соответствии с районами сбора материала Н.И. Лыжин опубликовал средние значения измерений по трем группам населения полуострова – соответственно горным, бахчисарайским и степным татарам. Кроме выполнения кефалометрической программы, включавшей 16 измерений преимущественно мозгового отдела, впервые были собраны данные по соматометрии крымско-татарского населения. Измерение проводились по достаточно подробной программе включавшей измерения роста, конечностей, таза и грудной клетки, окружностей туловища на разных уровнях и вычисления многочисленных индексов на их основе.

Отдельно следует рассмотреть цикл публикаций А.Н. Харузина. В 1890–1891 гг. им были опубликованы три статьи «Заметка о татарах Южного берега Крыма», [8: 59–62], «О росте татар Южного берега Крыма» [9: 80-87] и «Татары Гурзуфа» [10: 249–270, 11: 303–322].

Задачи своего исследования автор формулирует следующим образом: «При изучении южнобережных татар есть двоякий антропологический интерес: с одной стороны, рассмотреть те интересные продукты помеси, существующие в действительности, а с другой стороны воссоздать по мере сил тип тех народностей, которые некогда жили здесь, но с течением времени «вымерли», т.е. исчезли, смешавшись между собой» [10: 250].

Измерениями было охвачено жителей Гурзуфа – 35 чел., Ай-Василя – 22 чел., Дерикоя – 32 чел. и Алупки 28 чел. – все мужчины. Основное внимание автор

уделил обсуждению данных полученных по населению Гурзуфа. По результатам довольно обширной программы измерений, антропологический тип гурзуфских татар характеризуется следующим образом: их рост выше среднего, голова довольно крупная, черепная коробка высокая, весьма короткая и широкая, по продольно-поперечному указателю выражено брахикранная, лоб широкий круто поднимающейся, затылок несколько уплощенный широкий. Лицевой отдел не особенно крупный, пропорционально невелика нижняя треть лица. Скулы выступающие, однако, скуловой диаметр «не следует считать особо выдающимся». Нос «очень большой», при средней ширине переносья [11: 320].

Исследователь придерживается мнения о различном происхождении территориальных групп крымских татар даже в пределах южнобережья, «слившихся в нечто целое», благодаря сформировавшейся языковой и конфессиональной общности. А.Н. Харузин также полагал, что для татар Южного берега возможно выделение присущего им антропологического типа с локальными вариациями: «Многие говорят, что южнобережные татары имеют греческий тип, но это не справедливо – татары Крыма имеют свой тип, действительно сильно колеблющийся по отдельным местностям, тем не менее, своеобразный. Главенствующий и при этом преобладающий элемент был, очевидно, не тюркский, хотя последний и вошел в местное население, впрочем по-видимому не в значительной степени <...> в нем нет даже отдаленного сходства с типом монгольским или тюркским, хотя впрочем в окрестностях Ялты и можно (хотя довольно редко) встретить субъектов с монголоидными чертами более или менее резко выраженными» [8: 60].

В отношении татар Гурзуфа А.Н. Харузин полагает, что хотя гурзуфский тип и имеет много своеобразных черт, тем не менее, «не следует отрицать известную долю иранства в их типе, а также цыганские черты <...>, что может быть объяснено или тем, что среднеазиатские цыгане перемешались с иранцами, либо тем, что гурзуфские татары перемешались с крымскими цыганами», в большей или меньшей мере автор распространяет это и навесь Южный берег [11: 320].

Учитывая собственный опыт работы с антропологическими материалами, представляющими средневековое население Южнобережья, весьма важным представляется следующее замечание Н.И. Харузина: «При исследовании крымских татар следует обязательно отмечать деревню, из которой происходит тот или иной субъект, так, как я уже сказал, тип сильно варьирует по местностям». Татарское население Гурзуфской округи (дер. Гурзуф, Кизилташ [совр. Краснокаменка], Никита [совр. Ботаническое]) он характеризовал как относительно высокорослое и резко брахицефальное, западнее, ближе к предместьям Ялты (дер. Дереккой, Ай – Василь [обе в черте совр. Ялты]) появляются сравнительно малорослый суббрахицефальный и мезоцефальный компоненты, еще западнее ближе к Алушке при отсутствии промежуточных мезоцефальных форм присутствует примесь долихоцефального компонента [8: 60–62, 9: 250–252].

Публикации А.Н. Харузина сопровождалась прекрасно выполненными портретными снимками жителей Гурзуфа и Ялты. По тексту публикаций автор комментирует морфологические особенности представленных на снимках типажей.

В 1891 г. была опубликована работа А.Н. Харузина «Древние могилы Гурзуфа и Гугуша», одновременно с изучением современного населения Гурзуфа А.Н. Харузин проводил раскопки средневековых погребений в пределах деревни Гурзуф и

прилежащем урочище Гугуш⁹. Следуя авторитетным мнениям историков и археологов конца XIX в., автор определил их как принадлежавшие потомкам крымских готов [12: 101]. Исследователь вполне корректно охарактеризовал антропологический тип погребенных в указанных некрополях и, сопоставив его с известными краниологическими сериями, в том числе современным крымско-татарским населением, констатировал между ними резкие отличия, по его мнению, исключающие какую-либо генетическую связь [12: 90–91].

После публикаций начала 90 гг. XIX в. в антропологическом исследовании крымских татар наступает длительный перерыв и новые работы появляются только на рубеже 20–30 гг., наступившего XX века, что не в последнюю очередь связано с национальной политикой «коренизации», проводившейся советским правительством на местах. С середины 20-х гг. по крымским татарам публикуются этнографические исследования Г.А. Бонч-Осмоловского, Б.А. Куфтина, У.А. Боданинского, антропологи также не остаются в стороне от проблематики, связанной с исследованиями населения региона.

Одной из задач, стоящих перед научным составом комплексной крымской экспедиции Г.А. Бонч-Осмоловского, была ревизия антропологических данных по территориальным группам крымско-татарского этноса. В ходе работ экспедиции были собраны кефало- и антропометрические данные по 700 индивидам, представлявшим степную, горно-предгорную и южнобережную ландшафтные зоны. Полученные материалы были проанализированы в работе Н. Тербинской – Шенгер (1928).

Морфологические характеристики степной группы крымских татар сопоставлялись с опубликованными к тому времени данными по казанским татарам и ногайцам, соответственно татарское население северных предгорий и горной части полуострова с крымскими же караимами, крымчакам и цыганами, южнобережная группа с греками и турками османами [13: 14].

Основываясь на данных о росте, длине и пропорциях конечностей, характере пигментации кожных покровов и волос, исследователь отметила изменение морфологических характеристик населения от северных к южным регионам полуострова Крым.

В сравнении с жителями южнобережья, татары степных районов представляются сравнительно низкорослыми, с пропорционально меньшей длиной ног, шириной плеч и тазового отдела. От степи к южнобережью также увеличиваются высота черепа, длина глазной щели и уменьшается угол косого разреза. Татары горно-предгорной зоны по приведенным характеристикам представляются ближе к степным, однако по пропорциям лицевого отдела более схожи с южнобережными.

По мере продвижения на Юг также уменьшается частота наблюдений эпикантуса, уменьшается скуловой диаметр, спинка носа от вогнутой через прямую, переходит к форме с горбинкой. Пигментация кожных покровов изменяется от желтоватой к смуглой, а волосы от прямых к вьющимся. В соответствии с представлениями о расовых типах распространенными в первой четверти прошлого столетия, автор делает вывод об ослаблении признаков «альпийской» расы при усилении признаков «динарской». [13: 51].

Почти одновременно с работой Н. Тербинской-Шенгер опубликованы две украиноязычные статьи А.Н. Носова (1929, 1930). Материал для работы был собран в ходе экспедиции, предпринятой в 1927 г. при поддержке наркомата просвещения Крымской АССР. Были получены измерения по 179 (все ♂) индивидам, в основном

проживавшим в селах Карасубазарского (совр. Белогорского) – 55 чел., Судакского – 90 чел. и Феодосийского – 20 чел. районов¹⁰. Измерения проводились по методике, утвержденной на XIII (Монако, 1906) и XIV (Женева, 1912) Международных конгрессах предыстории и антропологии [14: 12]. В приложении к публикации впервые были обнаружены таблицы индивидуальных измерений, причем в соответствии с рекомендациями А.Н. Харузина, с указанием населенных пунктов, откуда происходили обследованные индивиды и 39 их портретных фотоснимков.

А.Н. Носов пришел к общему с предшественниками выводу, что исследованное им население почти по всем значимым антропологическим признакам является смешанным и не является целостной антропологической единицей: «здесь перемешаны разнообразнейшие признаки в разных способах и комбинациях» [14: 42].

Следы «основного антропологического типа татар», свойственного им ко времени проникновения на полуостров в XIII в. исследователь усматривает в облике населения степных районов Крыма. Антропологические признаки, по мнению А.Н. Носова «влившиеся» в «основной антропологический тип татар» уже после их появления в Крыму исследователь определяет в качестве «чужих», впрочем, не ставя вопроса об их происхождении.

По его мнению, распространение «чужих элементов» среди обследованного населения ярче проявляется в округе Судака в виде более высокого роста, ослабления брахикефалии в сочетании с уменьшением высоты черепа, более мягкого, овального абриса лицевого отдела, укрупнением и более резким выступанием носа, в сочетании с «изогнутостью» его профиля, «ясной» пигментации волос и глаз.

В расположенном севернее и отделенном от Судакской долины горным массивом Карасубазарском районе чаще встречаются темная и смешанная пигментация, уменьшается рост, усиливается брахикефалия, увеличиваются ширина лица и скул, нос уже и менее выступающий, чаще встречается его вогнутая спинка.

Для Феодосийского района и горного Крыма в целом исследователь не берется выделить сколько-нибудь определенных антропологических типов, рассматривая здешнее население как очень смешанное, вобравшее в себя многие «чужие антропологические элементы различного характера». Одновременно он видит в нем некие переходные типы между «степными» и «прибрежными» татарами у коих «чужие» признаки проявляются в наибольшей степени.

Выявление «настоящего антропологического типа крымских татар» А.Н. Носов связывает с углубленным антропологическим исследованием населения степной ландшафтной зоны и выявлением «форм и причин» его изменения в историческом контексте [14: 42–43].

Вторая статья А.Н. Носова (1930) была опубликована в журнале «Східний світ» и была, так сказать, адаптирована для специалистов гуманитарных направлений, представляя возможности антропологического исследования в разрешении вопросов этно-исторического содержания [15: 301–313]. Автор акцентирует внимание на проблемах актуальных для антропологов 20-х гг., заинтересованных крымской проблематикой: «нам совсем не известен антропологический тип татарского народа периода заселения ими Крыма», в сочетании с явным недостатком антропологических данных о «народах генетически связанных с крымскими татарами и народов местных, каких татары застали уже в Крыму, переселившись туда, а также и народах которые исторически могли быть тем или иным образом связаны с крымскими тата-

рами» [15: 302]. Исходя из этого, центральный вопрос антропологического исследования крымско-татарского населения А.Н. Носов формулирует следующим образом: «Сберегли ли они основной свой тип или изменили его, в каких именно территориальных частях Крыма, с какими народами они могли смешиваться, и как это отразилось на их типологии?» [15: 303]. В фактологической части статьи уже были учтены данные недавней публикации Н.Теребинской-Шенгер. Автор, в основном, придерживается выводов, сформулированных в своей предшествующей публикации.

На рубеже 20-30-х гг. Г.И. Петров в качестве антрополога принимал участие в масштабных, по тому времени, исследованиях городища Эски-Кермен, в дальнейшем им были опубликованы предварительные результаты исследования антропологических материалов эски-керменских некрополей [16: 12–18]. Одновременно исследователя заинтересовало современное ему население близлежащей деревни Черкес-Кермен (в послевоенное время с. Крепкое Бахчисарайского р-на. после 1977 г. из списков населенных пунктов исключено).

У некоторой части ее жителей наблюдались черты, по его мнению, некогда свойственные физическому облику крымских готов – высокий рост, более светлая пигментация волос, глаз и кожи, и т.д. Наличие у жителей деревни «светлого» типа Г.И. Петров связывал с обитанием здесь в прежние времена германцев, но, в то же время, отмечал, что наряду со «светлым» антропологическим типом, в Черкес-Кермене преобладало население совершенно иных морфологических особенностей, вполне характерных для народов Кавказа и Турции. Результаты наблюдений были представлены в заметке: «Потомки готов в Советском Крыму» [17: 296–297].

В дальнейшем, полагая раннесредневековое германское население Таврики исторической реальностью, Г.И. Петров все же пришел к непредвзятому выводу о том, что единого антропологического типа характеризующего крымских готов, не существовало [16: 18].

В связи с заметкой Г.И. Петрова следует отметить публикацию Я.Я. Рогинского «Антропологический тип татар из Ускута» (1961). Хотя она и была опубликована много позже, но ретроспективно отражает исследования, проведенные автором еще в 1928 г., опять же, связанные с «готской проблемой».

Внимание исследователя привлекла группа проживавших в деревне Ускут (совр. с. Приветное Судакского р-на.) семейств, объединенных фамилией Гото, общим числом несколько более 100 человек (включая и тех, у кого фамилию носил один из родителей). Удалось установить, что указанная группа состояла из родственников, но точную степень их родства установить так и не удалось. Фоновую выборку составляли около 150 жителей Ускута, не принадлежавших клану Гото; в их отношении автор отметил отсутствие каких-либо признаков монголоидности.

Среди представителей клана несколько чаще наблюдалась светлая пигментация глаз и волос, встречалось меньшее число индивидов с выпуклой спинкой носа. В сравнении с основной массой жителей Ускута, наблюдались отличия в пропорциях лицевого отдела, в то же время по основным параметрам черепной коробки различий выявлено не было [18: 49–53].

По мнению исследователя, до четверти выборки «Гото» обнаруживали морфологические черты свойственные населению севера Европы и были зафиксированы на антропологических бланках как «северный тип». Автор с большой степенью допущения предположил, что указанные наблюдения не исключают возможности примеси в груп-

пе татар «Гото» некоего северного компонента, однако его связь непременно с готами представлялась сомнительной [18: 53, 61]. Констатировать сохранение связи северного расового типа с фамилией Гото на протяжении более чем полутора тысяч лет в условиях свободного скрещивания автор естественно отказывается и относит появление фамилии к неопределенным обстоятельствам более позднего времени [18: 59].

С не меньшей вероятностью своеобразное сочетание признаков могло возникнуть в качестве локального варианта и без всякой «готской примеси» в результате стохастических процессов, примером тому исследователь привел аналогичные явления, наблюдаемые в среде народов Кавказа, где уж точно отсутствовал какой-либо компонент северного происхождения [18: 58].

От себя отметим, что выводы Я.Я. Рогинского небезынтересно сопоставить с этнографическими наблюдениями XIX в., свидетельствующими о склонности ускутских татар к эндогамным бракам внутри своей общины и решительном нежелании принимать в свое сообщество даже жителей близлежащих деревень [19: 228], что, вероятно, поспособствовало сохранению морфологического своеобразия здешнего населения. Кроме того, анализ фамилий представителей местной мусульманской общины начала XX в. позволяет предполагать присутствие в их числе прозелитов греческого происхождения, вероятно принявших ислам в конце XVIII в, дабы избежать переселения в Приазовье [20: 785].

Из публикаций 20–30 гг. следует также упомянуть работы, опосредованно связанные с антропологией – посвященные конституционным особенностям строения тела [21: 73–77] и гематологическому исследованию крымско-татарского населения [22: 1690–1696]. Рассмотренными выше работами список довоенных исследований, а точнее сказать, публикаций, предшествовавших депортации крымско-татарского народа, исчерпывается.

После известных событий 1944 г. исследование культурно-исторического наследия крымских татар на территории Крыма ставится на грань идеологически допустимого, что было официально закреплено в решениях Объединенной научной сессии отделения истории и философии Крымского филиала АН СССР, проведенной в Симферополе 1952 г. Представляется небезынтересным представить некоторые из них, оказавшие долговременное влияние на тематику этно-исторических, а вместе с ними и антропологических исследований Крымского полуострова.

2. Тщательно и разносторонне изучать связи коренного населения Крыма с земледельческим населением Восточной Европы во все эпохи, обратив особое внимание на связи с древними славянами.

8. На основе глубокого изучения разоблачить фальсификацию истории готов как вариант реакционной норманнской теории.

9. Широко и разносторонне изучать историю проникновения славян и славянские поселения в Крыму.

12. Решительно бороться против идеализации хазар, печенегов, половцев и татар в истории Крыма [23: 793].

На годы исследовательскими темами, имевшими поддержку, стали «хищническая сущность» крымско-татарской государственности и история конфликтов Московского государства – Российской империи и Крымского ханства, закономерно приведших полуостров к вхождению в ее состав, антропологической проблематике в них естественно места не находилось.

Научные исследования некрополей крымского мусульманского населения до начала 90 гг. практически не проводились, даже в случаях их массового разрушения в ходе строительных работ, тем более до антропологического материала никому дела не было. Немногочисленные серии, дошедшие до исследователей, были собраны в 70 гг. в Северном Крыму в качестве материала из погребений средневековых кочевников [24: 25–31, 25: 94–107]. Справедливости ради отметим, что идеологическое обременение, безусловно, присутствовало, но при этом практически отсутствовал научный интерес к рассматриваемой проблематике среди самих исследователей.

Исключение представляет работа В.П. Алексеева «Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма» (1980). Данные использованные в статье, как отмечает сам автор, были получены в 1957–1967 гг., т.е. задолго до ее публикации. Была проанализирована объединенная серия из 53 единиц (31♂, 22♀) включавшая краниологическую коллекцию К.С. Мережковского, хранящуюся в фондах МАЭ «Кунсткамеры» РАН, а также материалы, хранящиеся в Музеях при кафедрах нормальной анатомии Военно-Медицинской Академии, и Одесского мединститута [5: 169–170]¹¹.

Похоже, что В.П. Алексеев намеренно избегает употребления этнонима «крымские татары», равно как и не приводит ссылок на публикацию К.С. Мережковского, из которой абсолютно ясно, с каким материалом исследователь имел дело. При этом автор вполне осведомлен, что «К.С. Мережковский раскапывал в Крыму очень поздние могильники, опираясь на существовавшую тогда этнографическую традицию» [5: 170].

Цель своей работы В.П. Алексеев сформулировал как «расширение границ этногенетических сопоставлений», его интересовало, в какой степени в материалах позднейшего времени сохранились основные антропологические компоненты, зафиксированные для средневекового периода истории Крыма [5: 169].

В.П. Алексеев характеризует серию как европеоидную, фиксируя лишь отдельные измерения на единичных черепках как свойственные монголоидным группам и полагает, что отдельные субъекты с «какими-то монголоидными чертами» занимали в составе населения Крыма XVII–XIX вв. «ничтожное» место, указывая, что его вывод полностью согласуется с соматологическими наблюдениями Я.Я. Рогинского [5: 170–171]. Отметим, что наблюдения Я.Я. Рогинского касались отдельной деревни в глубине горной части Крыма, отличавшейся весьма специфическим составом населения, а приводившиеся выше мнения по данному вопросу других авторов не столь однозначны.

Морфологические характеристики краниологической серии В.П. Алексеев описал следующим образом: «Черепная коробка короткая и низкая, при этом очень широкая, по продольно-поперечному указателю резко брахикранная. Лоб и затылок умеренно широкие. Положение лобной кости близко к вертикали. Лицо по абсолютным размерам средневисокое при умеренной ширине, по соотношению к широтным размерам черепной коробки лицо относительно узкое и достаточно высокое. Высота и ширина орбит средняя, нос относительно узкий при средней ширине грушевидного отверстия» [5: 171].

По мнению исследователя, рассматриваемый краниологический комплекс в «тех или иных модификациях» широко представлен в восточных районах распространения европеоидных популяций. Начиная с эпохи бронзы, он фиксируется во многих могильниках Средней Азии и Поволжья. В расовых классификациях европеоидов он фигурирует как северный вариант понто-загросской расы, туранской расы, расы среднеазиатского междуречья или памиро-ферганской расы и имеет восточное про-

исхождение, восходя к носителям окуневской и карасукской культур эпохи бронзы. Распространение комплекса в средневековое время в Юго-Западном направлении, захватившим степные территории Кавказа и Крыма автор связывает с расселением протоболгар, но при этом не исключает и возможность его формирования непосредственно на территории полуострова, независимо от восточных влияний [5: 178–179].

Распространение указанного антропологического типа на территории Крымского полуострова автор относил к I тыс. н.э. Сопоставляя материалы мусульманских захоронений с краниологическими сериями, представляющими средневековое население Крыма, наиболее близкими были признаны серии, происходящие с внутригородских некрополей византийского Херсона XI–XIII вв., погребений того же периода на городище Эски-Кермена и позднейших некрополей Каламиты-Инкермана XV–XVIII вв. Определенное сходство В.П. Алексеев также усматривал с материалами Мангупа и Керчи [5: 181]. Представляется, что на современном этапе исследований выводы В.П. Алексеева требуют углубленного обсуждения и, на наш взгляд, детализации и коррекции, что, впрочем, выходит за пределы темы настоящей публикации.

Отдельно отметим работу Г.Л. Хить посвященную дерматоглифике крымских татар (1995). Материал для исследования был собран в 1979 г.¹² в Узбекистане, где после депортации 1944 г. проживало значительное количество крымских татар. Полученные данные представляли 147 индивидов (♂ 75; ♀ 72) происходивших из различных регионов полуострова [26: 175].

В целом Г.Л. Хить охарактеризовала крымских татар как популяцию метисного типа, отметив ее сходство с древнейшими группами населения Средней Азии, характерных своеобразным сочетанием монголоидных и южно-европеоидных особенностей [26: 178]. Исследователь пришла к выводам, что горная и южнобережная группы крымских татар обнаруживают близость современным южными популяциям населения Восточной Европы и Северного Кавказа. В то же время у татар степных районов полуострова отчетливо выражен монголоидный компонент [26: 187–190].

В 2003 г. вышла в свет коллективная монография сотрудников отдела Физической антропологии ИАЭ РАН «Антропология ногайцев» в приложении за авторством С.М. Круц [27: 206–239] были введены в научный оборот материалы XVI–XVIII вв., представляющие ряд антропологических серий ногайцев с территории степного Крыма и Северной Таврии, входивших в рассматриваемый период в границы Крымского ханства. С территории полуострова материал был получен в ходе исследований разновременных курганных захоронений возле современных сел Целинное (кург. № 15, 16) и Чкалово (кург. № 4) в крымском степном Присивашье [24: 25–31, 25: 94–107].

Анализ источников и картографических материалов дает основания полагать, что исследованные могильники принадлежат не кочевникам-ногайцам, а оседлому населению периода Крымского ханства и несколько более позднего времени, и представляют собой частично исследованные сельские мусульманские некрополи жителей селений Сарык (курган № 4 при с. Чкалово) и Кокоз (курганы № 15, 16 при с. Целинное)¹³, прекративших свое существование в середине XIX века в результате эмиграции их населения в пределы Османской империи и, соответственно, могут рассматриваться в числе серий представляющих татар степных районов полуострова Крым.

Был исследован материал из 50 погребений, проведены измерения 26 мужских и 10 женских черепов и длинных костей 10 индивидов [27: табл. 1–5]. Реконструированный рост погребенных мужчин в пределах средних значений, женщин – ниже среднего.

Для мужских черепов характерна брахикrania, при большой ширине черепной коробки в сочетании со средними значениями продольного и поперечного диаметров. Высота и ширина лицевого отдела средние, при умеренной профилировке в горизонтальной плоскости. Переносье средневысокое, нос средневыступающий, орбиты мезоконхные.

Женские черепа более длинные, однако, в пределах значений, указывающих на брахикранию, с меньшей высотой свода и большей высотой носа. Особенности женской выборки С.И. Круц полагает более сильное проявление монголоидных признаков – уплощенности лицевого отдела на верхнем уровне, тенденцию к сужению носовых костей, низкие значения симиотического указателя и меньшую глубину FC. [27: 206–207].

Следует также отметить одонтологические наблюдения исследователя, зафиксировавшей в 50% наблюдений выраженное проявление лопатообразности резцов [27: 207].

Привлекая для сравнительного анализа материалы средневековых кочевнических серий из Северного Причерноморья печенежского и половецкого круга и, опубликованные В.П. Алексеевым, материалы из позднесредневековых мусульманских могильников Крыма, С.И. Круц полагает исследованное население смешанным, пребывавшем в постоянном процессе метисации, при этом, по ее мнению, происходило неоднократное наложение как европеоидных, так и монголоидных элементов [27: 233].

В заключение представленного обзора полагаем возможным обратиться к собственным публикациям близким рассматриваемой проблематике. В 1993 г. экспедицией отдела Охраны памятников Бахчисарайского историко-культурного заповедника были проведены раскопки мусульманского некрополя XVIII в. в 6-м микрорайоне г. Бахчисарая [28: 52]. Полученный антропологический материал был исследован и опубликован автором [29: 360–366]. Из 21 костяка, 9 принадлежало мужчинам, 2 женщинам, остальные детям разных возрастов. Полный комплекс измерений был произведен на черепах мужской выборки, женские отличались неважной сохранностью.

Все черепа представлялись достаточно грацильными, с умеренно развитым рельефом. Серия характеризуется малыми-средними величинами продольного и средними-большими поперечного диаметров, при средней высоте черепной коробки. По продольно-поперечному указателю серия резко брахикранная. Лоб относительно покатый, среднеширокий, затылок широкий. Лицо ортогнатное, невысокое, верхняя ширина в границах малых величин, скуловой диаметр средний. По горизонтальной профилировке лицевого отдела серия смешанная, величины NM угла двух черепов определенно указывают на уплощенность лицевого отдела на верхнем уровне, несколько черепов также демонстрируют значительные величины ZM угла, в сочетании с небольшой глубиной FC. Нос сильновыступающий, мезоринный, с высоким переносьем. Орбиты высокие, при средней ширине [29: 361–362, таблицы 1–2].

Сильная вертикальная профилировка, выступающий нос с высоким переносьем, сравнительная узколицесть дают основания считать серию европеоидной, вместе с тем в ряде случаев сочетание признаков позволяет говорить об уплощенности лицевого отдела по меньшей мере у двух индивидов, что все же не исключает присутствия в ее составе некоторого монголоидного компонента [29: 362].

Материалы некрополя «6 МКР Бахчисарая» сопоставлялись со сборной серией из мусульманских захоронений полуострова опубликованной В.П. Алексеевым, упоминавшийся выше серией из Инкермана османского времени и данными по населению

Рис. 1. Типы жителей Таврической губернии. Худ. Л.Л. Белякин 1894 г.
 1. Мулла из степных татар; 2. Мещанин г. Симферополя; 3. Рассыльный из степных татар; 4. Степной татарин дер. Седжеут; 5. Степной татарин дер. Шакыл, Феодосийского уезда; 6. Караим; 7. Девушка из горных татар; 8. Женщина из горных татар дер. Таракташ; 9. Горный татарин из дер. Таракташ; 10, 11. Южнобережные татары г. Ялта; 12-15. Предметы материальной культуры. 16. Степной крымский Цыган - мелочной разносчик; 17, 18. Степные крымские Цыгане-поденщики.

Эски-Кермена XII–XIII вв., которая, на наш взгляд, отражает наиболее общие морфологические особенности, свойственные средневековому населению Юго-Западного Крыма. Все серии обнаружили достаточную близость в рамках брахикранных, среднешироколицых европеоидных типов рассматривавшихся выше. В сравнении с более ранним Эски-Керменом, серии из мусульманских некрополей обнаружили отличия по величине угла профиля лба от мет. (<), скуловому диаметру (>), верхней высоте лица (>) и соответственно верхнелицевому указателю (>). Сохранить краниологическую коллекцию автору не удалось.

В 1992–1993 гг. автором был исследован участок городского некрополя Балаклавы. На момент публикации антропологического материала [30: 412–431] памятник интерпретировался в качестве христианского некрополя позднесредневекового времени, однако анализ картографических материалов последней четверти XVIII в. и деталей погребального обряда заставляет меня пересмотреть свои прежние выводы и рассматривать памятник как некрополь мусульманской общины города османского времени использовавшийся до 1771 г.

Материал хранится в ГИАМЗ «Херсонес Таврический».

После реставрации пригодными для измерения признаны 19 черепов, принадлежавшие соответственно 11 мужчинам и 8 женщинам. Полученные данные свидетельствуют о смешанности серии практически по всем морфологически значимым признакам. По величине продольно-поперечного указателя, как в мужской, так и в женской выборках присутствуют брахи-, мезо-, и долихокраниальные черепа, причем как брахи-, так и долихокrania выражены весьма резко, мезокрании тяготеют к брахикраниальной группе. По высоте черепной коробки также наблюдается разнообразие, но преобладают индивиды с большими величинами высотно-продольного и высотно-поперечного указателей. Профиль лба в мужской выборке встречается как покатый, так и близкий к прямому. Ширина затылка значительна по всей серии вплоть до очень больших значений признака. Горизонтальная профилировка лицевого отдела в мужской выборке в основном хорошая, но встречаются индивиды с ослабленной, как на верхнем, так и на среднем уровне, глубина клыковой ямки средняя. По высотным параметрам лицевого отдела вся серия, изрядно смешанная с преобладанием больших значений. Верхнелицевой указатель вычислен только для мужчин, встречаются как индивиды с широким низким, так и более высоким и узким лицевым отделом.

Абсолютные размеры лицевого отдела у рассматриваемой серии весьма значительны, что в сочетании с развитым рельефом и крупной и очень широкой нижней челюстью производит впечатление исключительной массивности лицевого отдела, что вовсе не характерно для населения рассматриваемого региона.

Величины дакриального и симотического указателя весьма переменны, встречаются индивиды, как с низким, так и высоким переносом, равно как и промежуточные варианты. По носовому указателю мужская выборка разделилась на две подгруппы с выраженной плати- и лепторинией, женская выборка мезоринная. Как мужская, так и женская выборки имеют низкие и средневысокие орбиты, у мужчин они имеют выраженно-угловатую форму [30: 417–424].

По данным межгруппового анализа рассматриваемая выборка занимает обособленное положение по отношению к известным антропологическим сериям средневекового ЮЗ Крыма и Южнобережья, в том числе материалам XIV–XV вв. из самой Балаклавы. Выделяясь в первую очередь массивностью, весьма большими абсолют-

ными размерами лицевого отдела и большей части параметров черепной коробки, осязательным присутствием высоколицевого и долихокранного компонентов [30: 429].

Этот примечательный факт требует объяснения. С последней четверти XV в. до 1771 г. горная часть полуострова вплоть до Кафы-Феодосии, включая и южный берег Крыма вместе с г. Балаклава де юре не входила в состав Крымского ханства, образуя санджак – отдельную административную единицу – крымский домен султана Оттоманской Порты. Формирование мусульманской общины региона в XVI–XVIII вв. имело здесь свои особенности, учитывая тот факт, что в его состав вошли территории завоеванных османами княжества Феодоро и колоний коммуны Генуи, населенных преимущественно христианскими общинами. Невозможно отрицать факт прозелитизма части местного христианского населения, но сводить к нему процесс исламизации в регионе представляется неоправданным упрощением, не учитывающим миграционные процессы османского времени.

Приминительно к населению Балаклавы сохранилось прямое свидетельство Э. Челеби, указывающее, что к 1666–1667 гг. основу здешней мусульманской общины составляют отнюдь не татары – «татарский народ в таких скалах жить не может», а «народ из племени лазов с противоположного берега Черного моря¹⁴» [31: 32]. Спустя столетие на малочисленность собственно татарской общины Балаклавы указывает Тунманн [32: 33]. Выходцев из Лазистана, причем грекоязычных, Э. Челеби встречает и среди жителей «татского иля¹⁵» – горного Крыма [31: 79]. В другом месте своего сочинения путешественник упоминает о переселении в Крым анатолийцев – жителей Токата, Сиваса, Амасии, Кайсерийского эялета [31: 72]. В разных регионах полуострова в Бахчисарае, округе Карасубазара, на Керченском полуострове Э. Челеби встречает черкесов [31: 50, 75, 98]. Отметим, что потомки жителей южнобережных деревень Лимены и Симеиза в свое время заинтересовавшихся своим необычным обликом П. С. Палласа также связывали свое происхождение с черкесами [19: 148–149].

Рамки настоящей публикации не позволяют подробно рассмотреть данные этнографии, письменных источников и фискальных документов османского времени, указывающие на проникновение значительных групп исламизированного малоазийского населения на Крымский полуостров и Южный берег, начиная с позднего средневековья и, особенно, в османское время [33: 4–12, 34: 22 сл., 35: 9, 36: 73, 37: 25, 38: 142 сл., 39: 293]. Однако они дают достаточные основания полагать, что мозаика антропологических типов характерная для мусульманского населения южнобережья XVIII–XIX вв. складывается достаточно поздно. А окончательное его включение в общность «крымских татар» происходит и вовсе в российский период истории региона [40: 143], и даже некоторые авторы 20–30 гг. истекшего столетия отмечают, что «разбросанные по всему Крыму татары не дают картины полного этнографического единства [35: 7].

В коллективной монографии ИАЭ РАН «Тюркские народы Крыма» (2003) антропологии крымских татар посвящен краткий очерк [41: 150–151], основанный на материалах исследований XIX 30-х гг. – XX в., Отнюдь не умаляя заслуг авторов прежних лет, приходится признать, что вопросы исследования антропологического состава населения Крымского полуострова периода Крымского ханства и антропологические аспекты проблемы формирования этносов региона близкого к современности времени пребывают в определенном кризисе и не могут быть разрешены на современном уровне без введения в научный оборот значительных объемов нового

антропологического материала по возможности представляющего все регионы полуострова, при условии применения современных комплексных методов его исследования. Встречающийся в литературе тезис о Крымском полуострове как территории, достаточно изученной в антропологическом плане, пока, не вполне состоятелен.

Примечания

- ¹ Селение Айбар на момент раскопок Мережковского было необитаемо, после эмиграции его жителей в Османскую империю в начале 1860 гг., и восстановлено в 90 гг. XIX в. как населенный пункт со смешанным преимущественно – русско-украинским населением (совр. с. Войково, Первомайского р-на.).
- ² По всей видимости, К.С. Мережковский вторгся раскопками в пещеру Кырк-Азис служившую местом духовных практик местным суфиям и не менее почитаемый одноименный некрополь при ней.
- ³ Не вполне понятно включил ли автор в это число измерение 40 детей (мальчиков).
- ⁴ Мнение представляется весьма субъективным, автора не озадачил вопрос о том, что собственно в антропологическом отношении представляют собой крымские греки, тем более в хронологическом аспекте.
- ⁵ Результат нескольких волн эмиграции последняя из коих пришлось на начало 1860 гг.
- ⁶ Со времени цитируемой публикации данная проблема остается практически неразработанной, представления о формировании населения Южнобережного региона в позднесредневековом – новое время остаются до крайности обобщенными, большинство авторов, касаясь данной проблемы, ограничиваются перечислением исторических этносов, начиная едва ли не с тавров.
- ⁷ Между 1863 г. – концом 80 гг. XIX в. поселение было заброшено после эмиграции местного населения в пределы Османской империи в начале 1890 гг. населенный пункт еще не вполне восстановился за счет жителей, перебравшихся из других районов полуострова.
- ⁸ Исследователь отмечал, что ему не без труда удавалось наладить взаимопонимание с местными жителями, полагавшими антропометрические штудии делом более чем сомнительным, в степных районах помогло содействие пользовавшегося доверием чиновника Х. Меназова – выходца из местной мусульманской среды. Поселяне Феодосийского уезда охотно соглашались на проведение измерений в обмен на их фотографии, меж тем как жители Мелитопольского уезда согласились пройти комплекс измерений, но категорически отказались фотографироваться.
- ⁹ Судя по опубликованным материалам, А.Н. Харузин исследовал погребения в плитовых могилах получивших распространение на некрополях христианизированного населения региона с IX-X вв. и оставшимися одним из наиболее распространенных погребальных сооружений до конца средневекового периода.
- ¹⁰ Симферопольский, Керченский, Ялтинский и Бахчисарайский р-ны. представлены измерениями единичных субъектов числом 7.
- ¹¹ МАЭ РАН коллекция № 167, № 875–878 – кладбище при селениях Джума-Орта и Эльгеры – Аблам, № 879–898 – кладбище при селении Айбар, к ней В.П. Алексеев добавил 6 незарегистрированных черепов, судя по маркировкам также относящихся к сборам К.С. Мережковского, но происходящие непонятно из каких районов. Коллекция ВМА включала 11 черепов неизвестной датировки и локализации из сборов А. Розена – выпускника ВМА 1892 г., материал из Одесского мединститута представлен единичным мужским черепом.
- ¹² Сам факт антропологических исследований этноса в местах депортации, заметьте еще даже не в «перестроечное» время заслуживает, по мнению автора, глубокого уважения.
- ¹³ При выборе мест организации некрополей оседлое население степных регионов Крыма определено тяготело к существовавшим курганным насыпям, буде такие имелись в доступной близости.
- ¹⁴ Память о присутствии в этом районе лазов сохранялась в зафиксированном на османских картах топониме Лази – Лимани обозначающем акваторию от Балаклавы до м. Айя. Полагаем, что речь идет не о «лазах» как этносе, а о выходцах из исторической области Лазистан – на ЮВ побережье Черного моря от Трапезунда до Батума.
- ¹⁵ Термин «тат» распространяется в османский период как традиционное обозначение исламизи-

рованных жителей горных районов Крыма и Южного берега полуострова, противопоставляющее их собственно татарам, подданным хана, позднее зафиксировано его использование как самоназвание, используемое в отдельных сельских общинах Судакского района. Его наиболее приемлемое значение «соседние», «покоренные» [34: 33–39, 40: 143–144] В процессе окончательного оформления крымско – татарского этноса выходит из употребления, оставаясь предметом академических дискуссий и этно – политических спекуляций.

Сокращения

ВА – Вопросы антропологии.

ДАО – Дневник антропологического отдела.

ИГАИМК – Известия Государственной академии истории материальной культуры.

ИОЛЕАЭ – Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.

ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории археологии и этнографии.

ХСБ – Херсонесский сборник.

Литература

1. Паллас П.С. *Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах*. Москва, 1999. 246 с.
2. Радде Г. *Крымские татары*. Санкт-Петербург, 1879. 52с.
3. Мережковский К.С. Отчет об антропологической поездке в Крым в 1880 г. // *Географические известия*. Санкт-Петербург, 1881. Т. XVII. Вып.2. С. 105–130.
4. *Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при императорском Московском университете*. Т. XLIX. Вып. 3. Протоколы заседания Антропологического отдела общества с 4 декабря 1881 г. по 1886-й г. Москва, 1886. 256 с.
5. Алексеев В.П. Характеристика краниологических материалов из поздних мусульманских захоронений Крыма // *Сборник музея Антропологии и Этнографии. Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР*. Ленинград, 1980. Вып. XXXVI. С. 169–181.
6. Иков К.Н. К краниологии татар Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1891. Т. XIII. Вып. 1 С. 4–6.
7. Лыжин Н.И. Антропологические наблюдения над Таврическими татарами // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1891. Вып. 1 С. 6–22.
8. Харузин Х.Н. Заметка о татарах Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. II. С. 59–62.
9. Харузин Х.Н. О росте крымских татар Южного берега Крыма // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. III. С. 80–87.
10. Харузин Х.Н. Татары Гурзуфа. Ч. 1 // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. VII. С. 249–270.
11. Харузин Х.Н. Татары Гурзуфа. Ч. 2 // *Изв. ИОЛЕАЭ. ДАО*. Москва, 1890. Вып. VIII. С. 303–322.
12. Харузин Х.Н. Древние могилы Гурзуфа и Гугуша // *Изв. ИОЛЕАЭ. Труды Антропологического отдела*. Т. XI. 1890. Вып. I. С. 1–64.
13. Терebinская – Шенгер Н. Крымские татары // *Русский антропологический журнал*. 1928. Т.17. Вып.1–2. С. 12–53.
14. Носов А.З. До антропології і Кримських татар // *Кабінет антропології ім. Ф.Вовка ВУАН. Антропологія*. 1929. Вип. 2. С. 9–69.
15. Носов А.З. Кримські татари: антропологічні нариси // *Східний світ*, 1930р. № 10–11. С. 301–313.
16. Петров Г.И. потомки готов в советском Крыму // *Вестник знания*, 1929. № 7. С. 296–297.
17. Петров Г.И. Об антропологических материалах Эски-Керменской экспедиции 1931–33 гг. // *ИГАИМК*, 1935. Вып. 17. С. 12–18.
18. Рогинский Я.Я. Антропологический тип татар из Ускута // *ВА*, 1961. № 8. С. 48–61.

19. Кондараки Г.Х. *Универсальное описание Крыма* // Санкт-Петербург, 1875. Ч. 1. 234 с.
20. Новороссия и Крым // *Россия. Полное географическое описание нашего отечества*. Санкт-Петербург, 1910. Т. 14. 983 с.
21. Балобан Н.И., Молочек А.И. Строение тела шизофранных татар Крыма // *Русский антропологический журнал*, 1926. Т. 14. № 3–4. С. 73–77.
22. Беседин Г.И. Кровяные группы у крымских татар // *Врачебное дело*, 1926. Т. 21. С. 1690–1696.
23. *Стенограмма объединенной научной сессии Отделения Истории и философии и Крымского филиала АН СССР по вопросам истории Крыма. 23–25 мая 1952 г. Симферополь*. Научный архив ИАК РАН (машинопись). Т. 4 793 с.
24. Нечитайло А.Л., Бунатян Е.П. Курганная группа близ с. Чкалово // *Курганы Степного Крыма*. Киев, 1985. С. 6–40.
25. Корпусова В. Л. Курганы у с. Целинное // *Курганы Степного Крыма*. Киев, 1985. С. 69–107.
26. Хить Г.Л., Долинова Н.А. Дерматоглифика татар Евразии // *Современная антропология, генетика и проблема рас у человека*. Москва, 1995. С. 174–192.
27. Круз С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI–XVIII вв. // *Антропология ногайцев. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа*. Москва, 2003. Вып. IV. С. 206–233.
28. Белый О.Б., Неневоля И.И. Охранные раскопки мусульманского могильника в г. Бахчисарае // *Археологические исследования в Крыму*, 1993г. Симферополь, 1994. С. 52–53.
29. Иванов А.В. Антропологический материал из мусульманского некрополя в 6 МКР. г Бахчисарая // *Бахчисарайский историко – археологический сборник*. Симферополь, 1997. Вып. 3. С. 360–366.
30. Иванов А.В. Исследования некрополя средневековой Балаклавы в 1993 и 95 гг. // *ХСБ*. Севастополь, 1999. Вып. X. С. 412–431.
31. Челеби Э. *Книга путешествия* // Симферополь, 1999. 141с.
32. Тунманн. *Крымское Ханство* // Симферополь, 1991. 93 с.
33. Смирнов В.Д. *Крымское Ханство под верховенством Османской империи*. Санкт-Петербург, 1887. 824 с.
34. Куфтин Б.А. Южнобережные татары Крыма // *Крым*, 1925. № 1. С. 22–31.
35. Никольский П. Население Крыма. Симферополь, 1929. 16 с.
36. Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии // *Гордлевский В.А. Избранные сочинения*. Москва, 1960. Т. 1. 551 с.
37. Бороздин И.Н. Из отузской старины // *ИТОИАЭ*. Симферополь, 1927. Т. 1. С. 24–26.
38. Крамаровский М.Г. Солхат – Крым к вопросу о населении и топография города в XIII–XIV вв // *Итоги археологических экспедиций Государственного Эрмитажа*. Ленинград, 1989. С. 141–157.
39. Ефимов А.В. Из османской налоговой ведомости. XVII век // *Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник*. Симферополь, 2000. С. 283–290.
40. Сидоренко В.А. Формирование Крымско-татарского народа // *Тюркские народы Крыма*. Москва, 2003. С. 143–146.
41. Рославцева Л.И. Антропологический облик // *Тюркские народы Крыма*. Москва, 2003. С. 145–151.

References

1. Pallas P.S. *Nablyudeniya. sdelannyye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah*. Moscow, 1999. 246 s. (In Russ.) [Pallas P.S. *Observations made during a trip to the southern governorship of the Russian state in 1793–1794*. Moscow, 1999. 246 p.]
2. Radde G. *Krymskiye tatory*. St.Petersburg, 1879. 52 p. (In Russ.) [Radde G. *Crimean Tatars*.

- St. Petersburg, 1879. 52 p.]
3. Merezhkovsky K.S. Otchet ob antropologicheskoy poyezdke v Krym v 1880g. *Geograficheskkiye izvestiya*. St.Petersburg, 1881. T. XVII. Vol. 2. Pp. 105–130. (In Russ.) [Merezhkovskiy K.S. Report on an anthropological trip to the Crimea in 1880. *Geograficheskkiye izvestiya*. St.Petersburg, 1881. T. XVII. Vol. 2. Pp. 105–130.]
  4. *Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubiteley estestvoznaniya. antropologii i etnografii. sostoyashchego pri imperatorskom Moskovskom universitete*. T. XLIX. Vol. 3: Protokoly zasedaniya Antropologicheskogo otdela obshchestva s 4 dekabrya 1881 g. po 1886 y g. Moscow, 1886. 256 p. (In Russ.) [*News of the Imperial Society of Naturalists, Anthropology and ethnography, consisting of the Imperial University of Moscow*. T. XLIX. Vol. 3: Protokoly zasedaniya Antropologicheskogo otdela obshchestva s 4 dekabrya 1881 g. po 1886 y g. Moscow, 1886. 256 p.]
  5. Alekseev V.P. Kharakteristika kraniologicheskikh materialov iz pozdnykh musulmanskikh zakhoroneniy Kryma. Sbornik muzeya Antropologii i Etnografii. Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR. Leningrad, 1980. Vol. XXXVI. p. 169–18. (In Russ.) [Alekseyev V.P. Characteristics of craniological materials from the late Muslim burial sites of the Crimea. *Sbornik muzeya Antropologii i Etnografii. Issledovaniya po paleoantropologii i kraniologii SSSR*. Leningrad, 1980. Vol. XXXVI. Pp. 169–181.]
  6. Ikov K.N. K kraniologii tatar Yuzhnogo berega Kryma. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. T. XIII. Vol. 1. Pp. 4–6. (In Russ.) [Ikov K.N. To the craniology of the Tatars of the Southern coast of the Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. T.XIII. Vol. 1. Pp. 4–6.]
  7. Lyzhin N.I. Antropologicheskkiye nablyudeniya nad Tavricheskimi tatarami. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. Vol. 1. Pp. 6–22. (In Russ.) [Lyzhin N.I. Anthropological observations of the Tauride Tatars. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1891. Vol.1 Pp. 6–22.]
  8. Kharuzin Kh.N. Zametka o tatarakh Yuzhnogo berega Kryma. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. II. Pp. 59–62. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. A note on the Tatars of the Southern coast of the Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. II. Pp. 59–62.]
  9. Kharuzin H.N. O roste krymskikh tatar Yuzhnogo berega Kryma. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. III. Pp. 80–87 (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. On the growth of the Crimean Tatars of the Southern coast of Crimea. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890 Vol. III. Pp. 80–87.]
  10. Kharuzin Kh.N. Tatory Gurzufa. ch.1. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VII. Pp. 249–270. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. The Tatars of Gurzuf. Part. 1. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VII. Pp. 249–270.]
  11. Kharuzin Kh.N. Tatory Gurzufa. ch.2. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VIII. Pp. 303–322. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. The Tatars of Gurzuf. Part 2. *Izv. IOLEAE. DAO*. Moscow, 1890. Vol. VIII. Pp. 303–322.]
  12. Kharuzin Kh.N. Drevniye mogily Gurzufa i Gugusha. *Izv. IOLEAE. Trudy Antropologicheskogo otdela*, 1890. T. XI. Vol. I. Pp. 1–64. (In Russ.) [Kharuzin Kh.N. Ancient graves of Gurzuf and Gugush. *Izv. IOLEAE. Trudy Antropologicheskogo otdela*, 1890. T. XI. Vol. I. Pp. 1–64.]
  13. Terebinskaya – Shenger N. Krymskiye tatory. *Russkiy antropologicheskij zhurnal*. 1928. T.17. Vol. 1–2. Pp. 12–53. (In Russ.) [Terebinskaya – Shenger N. Crimean Tatars. *Russkiy antropologicheskij zhurnal*, 1928. T.17, Vol. 1–2. Pp. 12–53.]
  14. Nosov A.Z. Do antropologi i Krimskikh tatar. *Kabinet antropologii im. F.Vovka VUAN. Antropologiya*, 1929. Vol. 2. Pp. 9–69. (In Ukr.) [Nosov A.Z. To anthropology of the Crimean Tatars. *Kabinet antropologii im. F.Vovka VUAN. Antropologiya*, 1929. Vol. 2. Pp. 9–69.]
  15. Nosov A. Z. Krimski tatari: antropologichni narisi. *Skhidniy svit*, 1930. № 10–11. Pp. 301–313. (In Ukr.) [Nosov A.Z. Crimean Tatars: anthropological essays. *Skhidniy svit*, 1930. No. 10–11. Pp. 301–313.]
  16. Petrov G.I. Potomki gotov v sovetskom Krymu. *Vestnik znaniya*, 1929. №7.Pp. 296–297. (In Russ.) [Petrov G.I. Bescendants goths Soviet Crimea. *Vestnik znaniya*, 1929. No. 7 Pp. 296–297.]
  17. Petrov, G.I. Ob antropologicheskikh materialakh Eski – Kermenskoy ekspeditsii 1931–33 gg. *IGAIMK*, 1935. Vol. 17. Pp. 12–18. (In Russ.) [Petrov G.I. On the Anthropological Materials of

- the Eski-Kermen Expedition 1931–33 gg. *IGAIMK*, 1935. Vol. 17. Pp. 12–18.]
18. Roginsky Ya. Ya. Antropologicheskii tip tatar iz Uskuta. *VA*, 1961. №8. Pp. 48–61 (In Russ.) [Roginskiy Ya.Ya. Anthropological type of Tatars from Uskut. *VA*, 1961. No.8. Pp. 48–61.]
  19. Kondaraki G.Kh. *Universalnoye opisaniye Kryma*. St.Petersburg, 1875. ch.1 234 p. (In Russ.) [Kondaraki G.Kh. *Universal description of the Crimea*. St.Petersburg, 1875. ch.1 234 p.]
  20. Novorossiya i Krym. *Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva*. St.Petersburg, 1910. T.14. 983p. (In Russ.) [Novorossiya and the Crimea. *Rossiya. Polnoye geograficheskoye opisaniye nashego otechestva*. St.Petersburg, 1910. T.14. 983 p.]
  21. Baloban N.I., Molocek A.I. Stroyeniye tela shizofrennykh tatar Kryma. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1926. T. 14. №3–4. Pp. 73–77. (In Russ.) [Baloban N.I., Molocek A.I. The structure of the body of the schizophrenic Tatars of Crimea. *Russkiy antropologicheskii zhurnal*, 1926. T. 14. No. 3–4. Pp. 73–77.]
  22. Besedin G.I. Krovyanyye gruppy u krymskikh tatar. *Vrachebnoye delo*, 1926. T.21. Pp. 1690–1696. (In Russ.) [Besedin G.I. Blood groups of the Crimean Tatars. *Vrachebnoye delo*, 1926. T.21. Pp. 1690–1696.]
  23. *Stenogramma obyedinennoy nauchnoy sessii Otdeleniya Istorii i filosofii i Krymskogo filiala AN SSSR po voprosam istorii Kryma. 23-25 maya 1952g. Simferopol*. Nauchnyy arkhiv IAK RAN (mashinopis) T.4. 793 p. (In Russ.) [Transcript of the joint scientific session of the Department of History and Philosophy and the Crimean Branch of the USSR Academy of Sciences on the history of the Crimea. May 23–25, 1952 Simferopol. Nauchnyy arkhiv IAK RAN (mashinopis), T.4]
  24. Nechitailo A.L., Bunatyan E.P. Kurgannaya gruppa bliz s. Chkalovo // *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 6–40. (In Russ.) [Nechitaylo A.L., Bunatyan E.P. Kurgan group near Chkalovo. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 6–40.]
  25. Korpusova V. L. Kurgany u s. Tselinnoye. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 69–107. (In Russ.) [Korpusova V. L. The mounds near the Tselinnoye. *Kurgany Stepnogo Kryma*. Kiyev, 1985. Pp. 69–107]
  26. Hit G.L., Dolinova N.A. Dermatoglifika tatar Evrazii. *Sovremennaya antropologiya. genetika i problema ras u cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 174–192. (In Russ.) [Khit G.L., Dolinova N.A. Dermatoglyphics of the Tatars of Eurasia. *Sovremennaya antropologiya. genetika i problema ras u cheloveka*. Moscow, 1995. Pp. 174–192.]
  27. Kruts SI Antropologicheskaya kharakteristika nogaytsev XVI–XVIIIvv. *Antropologiya nogaytsev. Materialy po izucheniyu istoriko–kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza*. Moscow, 2003. Vol. IV. Pp. 206–233. (In Russ.) [Kruts S.I. Anthropological characteristics of the Nogais XVI–XVIII st. *Antropologiya nogaytsev. Materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza*. Moscow, 2003. Vol. IV. Pp. 206–233.]
  28. Belyj O.B., Nenevola II Okhrannyye raskopki musulmanskogo mogilnika v g. Bakhchisaraye. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu*. 1993g. Simferopol, 1994-p. 52–53. (In Russ.) [Belyj O.B. Nenevolva I.I. Security excavations of the Muslim burial ground in the town of Bakhchisaray. *Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu*. 1993. Simferopol, 1994 Pp. 52–53.]
  29. Ivanov A.V. Antropologicheskii material iz musulmanskogo nekropolya v 6 MKR. g Bakhchisaraya. *Bakhchisarayskiy istoriko – arkheologicheskii sbornik*. – Simferopol,. 1997. Vol. 3. Pp. 360–366. (In Russ.) [Ivanov A.V. Anthropological material from the Muslim necropolis in 6 MKR. Bakhchisaray. *Bakhchisarayskiy istoriko – arkheologicheskii sbornik*. Simferopol, 1997. Vol. 3. Pp. 360–366.]
  30. Ivanov A.V. Issledovaniya nekropolya srednevekovoy Balaklavy v 1993 i 95 gg. *ChSB*. Sevastopol. 1999. Vol. X. Pp. 412 – 431. (In Russ.) [Ivanov A.V. Investigation of the necropolis of medieval Balaklava in 1993 and 1995. *ChSB*. Sevastopol. 1999. Vol. X. Pp. 412 – 431.]
  31. Chelebi E. *Kniga putestvviya*. Simferopol, 1999. 141p. (In Russ.) [Chelebi E. *The book of travel*. Simferopol, 1999. 141p.]
  32. Thunmann. *Krymskoye Khanstvo*. Simf. 1991. 93p. *The Crimean Khanate*. Simferopol, 1991. 93p. (In Russ.) [Tunmann. *Krymskoye Khanstvo*. Simferopol, 1991. 93p.]

33. Smirnov V.D. *Krymskoye Khanstvo pod verkhovenstvom Ottomanskoy porty*. St.Peterburg, 1887. 824 p. (In Russ.) [Smirnov V.D. *Crimean Khanate under the supremacy of the Ottoman ports*. St.Peterburg, 1887. 824 p.]
34. Kuftin B.A. Yuzhnoberezhnyye tatory Kryma. *Krym*. 1925. No.1. Pp. 22–31. (In Russ.) [Kuftin B.A. South Coast Tatars of the Crimea. *Krym*. 1925. No.1. Pp. 22–31.]
35. Nikolsky P. *Naseleniye Kryma*. Simferopol, 1929. 16 p. (In Russ.) [Nikolskiy P. *Population of the Crimea*. Simferopol, 1929. 16 p.]
36. Gordlevsky VA Gosudarstvo seldzhukidov Maloy Azii. *Gordlevskiy V. A Izbrannyye sochineniya*. Moscow, 1960. T.1. 551 p. (In Russ.) [Gordlevskiy V. A. State of Seljukides of Asia Minor. *Gordlevskiy V. A Izbrannyye sochineniya*. Moscow, 1960. T.1. 551 p.]
37. Borozdin I.N. Iz otuzskoy stariny. *ITOLAE*. Simferopol, 1927. T. 1. Pp. 24–26. (In Russ.) [Borozdin I.N. From the old town. Simferopol, 1927. T. 1. Pp. 24–26.]
38. Kramarovskiy M.G. Solkhat – Krym k voprosu o naselenii i topografiya goroda v XIII–XIV-vv. *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1989. Pp. 141–157. [Kramarovskiy M.G. Solkhat-Crimea to the question of population and topography of the city in the 13th–14th centuries. (In Russ.) *Itogi arkheologicheskikh ekspeditsiy Gosudarstvennogo Ermitazha*. Leningrad, 1989. Pp. 141–157.]
39. Efimov A.V. Iz osmanskoy nalogovoy vedomosti. XVII v. *Greki v istorii Kryma. Kratkiy biograficheskiy spravochnik*. Simferopol, 2000. Pp. 283–290. (In Russ.) [Efimov A.V. From the Ottoman tax register. XVII century. *Greki v istorii Kryma. Kratkiy biograficheskiy spravochnik*. Simferopol, 2000. Pp. 283–290.]
40. Sidorenko V.A. Formirovaniye Krymsko-tatarskogo naroda. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 143–146. (In Russ.) [Sidorenko V.A. Formation of the Crimean-Tatar people. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 143–146.]
41. Roslavl'tseva L.I. Antropologicheskii oblik. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 145–151. (In Russ.) [Roslavl'tseva L.I. Anthropological appearance. *Tyurkskiye narody Kryma*. Moscow, 2003. Pp. 145–151.]

A.V. Ivanov. On the history of anthropological study of the Tatars of the Crimean peninsula.

The article presents a historical sketch and an overview of sources related to the problem of anthropological study of the Crimean peninsula, Crimean Tatars, which is close to the present day. The available data make it possible to consider the Crimean Tatars as inhomogeneous in anthropological terms, the researchers distinguish the morphological complexes inherent in the steppe, mountain and southern banks of the Crimean Tatars. The text of the article gives an overview of quite a few publications by authors of the late XIX – 30s of the XX ct. working mainly with living representatives of various groups of the Crimean-Tatar ethnos, as well as publications of a more close to us time introducing into scientific circulation data on the available craniological series. The remaining questions regarding the allocation of anthropological components within the Crimean Tatar people and especially the history of their formation require the systematic introduction of new anthropological materials into scientific circulation and their further research using a wide range of modern complex methods.

Key words: *Crimean peninsula, Crimean Tatars, anthropology, craniology, ethnic history, history of science.*